

Мотив «блудного сына» в эпистолярном творчестве царя Алексея Михайловича

А. В. ШУНКОВ

(КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ)

В статье анализируется эпистолярное наследие царя Алексея Михайловича в контексте процессов, происходивших в русской литературе переходного периода (второй половины XVII в.). Предметом специального исследования становятся письма монарха, в которых заметно проявляет себя традиция евангельской притчи о блудном сыне.

Предлагаемый автором статьи аспект исследования литературного наследия монарха ранее в научных работах отечественных ученых не встречался, что подчеркивает новизну исследования. Актуальность статьи обусловлена общей задачей, решаемой сегодня в отечественном литературоведении, — проведение исследований мотивной структуры художественного произведения.

Проведенный анализ позволяет сделать заключение как о преемственности посланий Алексея Михайловича средневековой книжной традиции, так и литературном новаторстве царя как писателя. Соблюдение эпистолярной традиции просматривается в использовании в писательской практике монарха книжных приемов, соответствующих литературному этикету Древней Руси. В то же время Алексей Михайлович как автор не скован литературными канонами, позволяет подвергать интерпретации евангельский сюжет.

Осмысление притчевой традиции позволяет Алексею Михайловичу как автору дать характеристику героям посланий, создать их психологический портрет, вписать исторические события в книжную традицию.

Особое внимание заслуживает послание царя к А. Л. Ордину-Нащокину, в котором раскрывается писательский талант царя, владеющего приемами риторики. Одновременно в этом же тексте Алексей Михайлович позволяет себе свободную интерпретацию известного евангельского сюжета, сопоставляя его с событиями из реальной жизни своего адресата. Поводом для создания послания послужило бегство в 1659 г. в Европу сына

А. Л. Ордина-Нащокина — Воина. Поступок, совершенный Воином Нащокиным, вызвал у монарха ассоциации с событиями евангельского сюжета. Параллели, проведенные автором утешительного послания, придают всему тексту литературный характер.

Сделанные наблюдения позволяют рассматривать послания Алексея Михайловича как явления русской литературы переходного периода, представляющие эволюцию евангельских мотивов и сюжетов.

Ключевые слова: русская литература XVII в., царь Алексей Михайлович, эпистолярное творчество, евангельская притча, притча о блудном сыне, сюжет, мотив.

ВВЕДЕНИЕ

Евангельская притча о блудном сыне (Лк. 15, 11–32) по праву считается одной из самых популярных, о чем свидетельствуют ее многочисленные интерпретации в разножанровых по своей природе произведениях мировой литературы (Демкова, 1997). Для русской литературы на протяжении всего периода ее исторического развития, насчитывающего более десяти веков, притча стала одной из художественных доминант, определившей поэтику произведений как средневекового типа, так и литературы нового времени (Словарь-указатель ... , 2003: 25–26; Чернов, 1994; Есаулов, 2012; Габдуллина, 2013 и др.).

Причины постоянного внимания и интереса авторов к евангельскому сюжету объясняются тем, что он в аллегорической форме утверждает «вечность, непреложность гармонии, долженствующей существовать в отношениях между человеком и Богом-творцом: искреннее покаяние возвращает человека к Богу, а милосердие Божие избавляет людей от самого страшного греха — греха отчаяния» (Демкова, 1997: 139).

Переходный период русской литературы (вторая половина XVII — первая треть XVIII в.), как известно, демонстрирует несколько вариантов интерпретации евангельского сюжета в анонимных повестях второй половины XVII в. («Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о Фроле Скобееве»), в пьесе Симеона Полоцкого («Комидия притчи о блудном сыне»), беллетристике Петровского времени («Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли», «Повесть об Александре, российском дворянине»). Популярность притчи в переходный период русской культуры объясняется не только литературными обстоятельствами, но и общекультурными изменениями, поколебавшими средневековые представления о человеке и пределах его свободного волеизъявления. XVII в. открыл человеческую индивидуальность (Лихачев, 1987; Ромодановская, 1994; Сазонова, 2006), породил новый тип героя — авантюриста, поступающего, «как ему любо», преследующего свои личные цели, выходящие за пределы традиционных семейно-родовых представлений.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИТЧЕВОГО МОТИВА В ПОСЛАНИЯХ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА В САВВО-СТОРОЖЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ (1652 г.)

Эпистолярные сочинения царя Алексея Михайловича, который в ряде моментов своей государственной деятельности сам предстает реформатором и новатором — «стремление и умение интересоваться были свойством царя, особенностью его натуры» (Гурлянд, 1902: 111), — также органично вписываются в традицию осмысления евангельской притчи о блудном сыне в условиях литературы переходного времени. Сразу заметим, что в отличие от упомянутых выше текстов XVII в., литературное наследие царя не содержит примера сочинения, в котором возможно было бы увидеть полное воплощение сюжетного архетипа евангельской притчи. Именно поэтому уместным будет вести речь о присутствии в эпистолярном творчестве Алексея Михайловича притчевого мотива, а в отдельных случаях (посланиях) — реминисценций и аллюзий «блудного сына», звучащих в приводимых автором примерах, имеющих аллегорическую природу.

Как отмечает Н. С. Демкова, «мотив “блудного сына” стал общим местом, литературным топосом в сочинениях русского средневековья в тех случаях, когда речь заходила об уклонении от общепринятой нравственной, социальной или конфессиональной позиции. Поэтому тема притчи, как правило, часто использовалась в обличительных текстах — полемике и в публицистике» (Демкова, 1997: 136). С этой позиции ряд посланий царя Алексея Михайловича органично вписывается в данный контекст и демонстрирует авторское отношение к проблеме рассмотрения человеческой судьбы в современную для него эпоху. Так, например, в царских посланиях нередко случаи, когда Алексей Михайлович на одном конкретном примере совершения адресатом ошибочного поступка, ставшего причиной написания грамоты, показывает вневременной характер человеческого блуждания во мраке своих страстей, призывая к покаянию, дарующему радость обретения истины, отвергнутой необдуманно. С точки зрения Алексея Михайловича как автора посланий, не так страшно падение, как отказ от возможности принести покаяние в совершенном грехе, причиной которого стала гордыня: «Не люто есть вспотыкатца, люто есть вспуткнувся, не поднятца, или, угрязнувся, не умытца внутрь, не человекъско есть вспотыкатца, и сами Ангели поколзнулися, а мнй ся стояти...» (Послание А. С. Матвееву от 23 января 1655 г.) (Записки ... , 1861: 726).

В монарших посланиях обращает на себя внимание использование устойчивого стилистического приема: введение в текст послания евангельского источника (чаще всего косвенное цитирование), с помощью которого его составителю удастся выразить главную мысль — царь есть помазанник Божий («сердце царево въ руцъ Божіи»). Именно на царя («Богодарованного» и «Богоданного») возложена ответственность быть наставником для своих подданных и пастьрем, вести их по пути духовного спасения: «царь дарован от Бога, поставлен царь Богом на то, чтобы “беспомощным помогать”» (Гурлянд, 1902: 237). Долг подданных — быть преданными царю, а значит, исполнять волю Бога, поступать по заветам Евангелия, нарушение которых неизменно приводит к заблуждению в своих помыслах и скитанию по миру, потере дома. Показательным в этом отношении являются послания царя в Савво-Сторожевский монастырь, адресованные архимандриту Гермогену и келарю Вельямину Горсткину.

Причины написания царем нескольких посланий в монастырь хорошо известны. Они связаны с преступлением, совершенным казначеем монастыря, который растратил монастырскую казну, а в завершение своих «подвигов» еще и избил несколько мужиков, причинив им увечья: «...онъ, казначей, ѳздя по деревнямъ, пилъ и, захавъ къ нимъ, въ село Михайловское, къ попу, пилъ и напився, ихъ крестьянъ билъ» (там же: 685). Вполне понятно, что подобное поведение монаха не могло не возмутить царя, который приказывает учинить над Никитою суд (напоминая ему о Страшном суде), вынести приговор, а свои соображения по произошедшему событию и оценки Алексей Михайлович высказывает в посланиях.

Отметим, что сама ситуация, случившаяся в монастыре и приведшая в гнев царя, в своем бытовом воплощении несет архетипичные элементы сюжета притчи о блудном сыне. Действия монаха, пребывающего в доме Небесного Отца — монастыре, приводят его на путь греха — нравственного падения. Совершаемые Никитою поступки открыто демонстрируют неповиновение не только воле архимандрита монастыря Гермогена, но и самого царя, которого он порочит в своих речах — «роптании спесивом»: «во многомъ заплутался да на меня жялуется, пишеть к друзьямъ своимъ, какъ я ево не жялую, как онъ от меня погибаетъ. Ей, зъло возмутилъ окаянной, а ино и писать нельзя; чяю, самъ сатана имъ и монастыремъ...» (там же: 695). В дальнейшем известно, что казначей Никита был взят под стражу: «... вельти положить на него чъль на шею, а на ноги желъза...» (там же, 1861: 689).

Случай, произошедший с казначеем Никитою, Алексей Михайлович в своих посланиях описывает и комментирует как пример падения человека, его заблуждения, греховного скитания и пребывания в мире страстей. Казначей Никита своими поступками отпал от дома

своего духовного отца: «и ты не восхотѣлъ послушати Бога и Чюдотворца и меня, и ты промѣнилъ сіе мѣсто Чюдотворцево на свое премудрое и лукавое и на пьяное сердце и на проклятыя свои мысли, а меня, грѣшнаго, тебѣ не диво не послушать здѣсь, потому что и святое мѣсто продаешь своимъ безуміемъ на винныя фляги» (там же, 1861: 688).

Завершилась ли история с казначеем Никитою его раскаянием и возвращением в лоно монастыря, отвергнутого в начале, — неизвестно. Но сами послания демонстрируют присутствие в них аллюзий на событийный ряд евангельского аполога. Несмотря на то что прямых, явных текстовых параллелей между посланиями царя в Савво-Сторожевский монастырь и притчей о блудном сыне нет, оценка автором поступка, совершенного казначеем Никитою, находится в системе аксиологии, сформированной евангельским текстом.

ПОСЛАНИЕ ЦАРЯ А. Л. ОРДИНУ-НАЩОКИНУ В КОНТЕКСТЕ ПРИТЧЕВОЙ ТРАДИЦИИ

Другим примером послания, которое в большей мере можно назвать коррелятом притчи о блудном сыне, является письмо к дворянину А. Л. Ордину-Нащокину (Белоброва, 1993: 427–429), написанное 14 марта 1660 г. (Соловьев, 1961: 71–73). Оригинальный текст самого послания долгое время считался утерянным. Именно такая версия была в свое время высказана А. М. Панченко, опубликовавшим в 1969 г. послание царя в 15-м томе серии «Библиотека всемирной литературы» (Письмо царя ..., 1969: 573–575, 776). В качестве источника послания он обратился к сочинению С. М. Соловьева (Соловьев, 1961: 71–73), который привел его в сокращенном варианте. На сегодняшний день место хранения рукописного источника послания установлено¹, что позволяет видеть текст без сокращений, в его полном объеме и с сохранившимися «чернениями государевой руки».

Причиной написания послания стало бегство в 1659 г. сына думного дворянина Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина Воина в Польшу во время Русско-польской войны. Историки XIX в. (С. М. Соловьев, С. Ф. Платонов и др.) были единодушны в оценке сына А. Л. Ордина-Нащокина как молодого человека, образованного и воспитанного в традиции европейской культуры. Воин свободно владел латинским, польским, немецким языками. Знание европейских языков обеспечило ему успешную карьеру в дипломатической службе под началом отца. Воину поручалось вести тайную переписку с иностранными корреспондентами. Сохранились сведения, что он также состоял и в личной переписке с самим Алексеем Михайловичем, который покровительствовал отцу и сыну, ценя их способности: «... и он, протестец, и у нас, великого государя, тайно был и не по одно время и о многих делах с ним к тебе приказывали, а такова просто умышенного яда под языком его не ведали» (РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1660 г. Ед. хр. 2. Л. 103); «Афанасей Лаврентьевич! В прежних временах люди говаривали про тебя всяко: да одно де у него да добро. Богъ де милует да царь жялует, а и нынѣ милость Божія свыше прежнева, а и мы к тебѣ всякаго добра желяем...» (Записки ..., 1861: 767).

Однако молодой стольник В. А. Ордин-Нащокин, чье мировоззрение было сформировано под влиянием польской культуры, не мог не очароваться ее плодами. В конечном итоге Воин совершает бегство в Польшу, не видя возможности реализации своих способностей в условиях русской действительности, которая ему кажется дикой по сравнению с европейской. Польский король Ян Казимир Ваза, приняв под свое покровительство беглого русского дипломата, рассчитывал использовать его в своих целях в военно-дипломатической борьбе с Алексеем Михайловичем. Однако планам польской стороны не суждено было воплотиться, Воин оказался не той фигурой в шахматной игре, которая могла бы привести к победе. Вскоре беглец покидает Польшу, и начинается его скитание по Европе. Австрия, Франция, Голландия, Дания — страны, которые становились временным приютом Воина,

прежде чем он в 1665 г. получит разрешение Алексея Михайловича вернуться в Россию, где вновь начнет свою службу. Свидетельством раскаяния в совершенном поступке станет послание Воина, адресованное Алексею Михайловичу, в котором он просит милости и разрешения вернуться на родину (РГАДА. Ф. 96. Оп. 2. 1661 г. Ед. хр. 2. Л. 123–124). Таков реальный биографический сюжет истории «блудного сына» — Воина Ордина-Нащокина. Как видим, он фактически повторяет схему евангельской притчи, состоящей из следующих основных фаз: уход, бегство из родительского дома — бедствия в чужой стране — раскаяние как необходимое условие возвращения в дом отца — радость отца, обретшего своего сына (Словарь-указатель ... , 2003: 25).

Дружеское послание, адресованное А. Л. Ордину-Нащокину и по своей жанровой разновидности являющееся утешительным, в построении сюжета не пытается следовать традиционной притчевой схеме. Основой послания послужило Слово Василия Великого «О благодарении», к цитированию которого царь активно прибегает по мере развития сюжета. Время написания царем послания (14 марта 1660 г.) приходится на вторник второй недели Великого поста, когда читается упомянутое выше Слово Василия Великого. Вполне вероятно, что под влиянием особого дня царь как человек, глубоко укорененный в православной вере, не мог не написать иного послания, утешительного по содержанию, своему любимому дипломату, обратившемуся к царю с просьбой об отставке.

Послание царя соблюдает все требования эпистолярного канона: и композиционные, и стилистические. Прескрипт послания (его первая, вступительная часть) этикетна с точки зрения стилистики. Однако видеть в используемых словесных клише в начале грамоты при характеристике адресата только лишь формальное соблюдение традиции будет не совсем верным. Послание в первую очередь репрезентует особенности мировоззрения его составителя, в основе которого заложено религиозное понимание природы произошедшего события, уже имеющего аналогию в христианской истории. Можно сказать, Алексей Михайлович как автор в этом случае органично вписан в книжную традицию, мыслит литературными стереотипами, видит изображаемое им событие в контексте Евангелия: «бысть же и во словьсехъ премудрости риторъ естествословесень и смышленіемъ скороумень» (Попов, 1869: 211).

Используемые в начале текста устойчивые словесные формулы выполняют определенную литературную функцию — с их помощью создается образ адресата А. Л. Ордина-Нащокина как идеального христианина: «...наипаче же христолюбцу и миролюбцу, нищелюбцу и трудолюбцу и совершенно богоприимцу и странноприимцу и нашему государеву всякому делу доброму ходатаю и желателю» (РГАДА. Ф. 96. Оп. 2. 1661 г. Ед. хр. 2. Л. 91). Последующая повествовательная часть послания (семантема) вкратце сообщает о событии бегства сына А. Л. Ордина-Нащокина в Гданьск, в большей мере акцентируя внимание на эмоциональном фоне письма, достигаемом за счет словесных фигур, имеющих библейские корни. В центральной части послания Алексей Михайлович изображает эмоциональное переживание отца, пребывающего в состоянии печали: «...сын твой... своим безумством объявился во Гданске. А тебе, отцу своему, лютую печаль учинил. <...> Ей, велика скорбь и туга воистинно!» (РГАДА. Ф. 96. Оп. 2. 1661 г. Ед. хр. 2. Л. 91, 93).

Рассмотрение послания в контексте притчевой традиции о блудном сыне позволяет выявить отличительные приемы, используемые автором при изображении и оценке события, имеющего аналогию в евангельском первоисточнике. Как известно, ключевой темой притчи является тема радости, показанной в финальном эпизоде встречи отца и сына: «в научении всем слушающим Христос и рассказывает эту притчу, содержащую основной смысл его учения — необходимость искреннего прощения, ликования при покаянии грешника, возвращающегося к отцу» (Демкова, 1997: 139).

В своей же «истории» блудного сына Алексей Михайлович смещает акцент на первый эпизод известного евангельского сюжета, усиливая тему скорби родителей от потери единственного сына. Царь, утешая отца в горе, постигшем его, уверен в том, что сын, поскитавшись по свету, обязательно возвратится в родной дом: «...а он человек молодой, хочет создания владычня и творения рук Ево видеть на сем свете, яко же и птица летает семо и овамо и, полетав довольно, паки ко гнезду своему прилетает <...> вспомянет гнездо свое телесное, наипаче же душевное привязание от Святого Духа во святой купели, он к вам вскоре возвратитца» (РГАДА. Ф. 96. Оп. 2. 1661 г. Ед. хр. 2. Л. 103а–104).

Таким образом, начальный и финальный эпизоды одной сюжетной схемы «блудного сына», но представленные в разных текстах, выстраивают единую картину переживаемых героем чувств. Становится возможным увидеть развитие и изменение эмоционального мира героя от переживания горя до обретения радости от встречи с сыном в будущем: «воистинно Бог с тобою есть и будет во веки и навеки, сию печаль той да обратит вам <вскоре> в радость и утешит вас вскоре. А что будет и впрямь сын твой изменил, и мы, Великий Государь, его измену поставили ни во что, и конечно ведаем, что кроме твоея воли сотворил, и тебе злую печаль, а себе вечное поползновение учинил. И будет тебе, верному рабу Христову и нашему, сына твоего дурость ставить в ведомство и в соглашение <твое> ему» (РГАДА. Ф. 96. Оп. 2. 1661 г. Ед. хр. 2. Л. 102).

Использование в основной части послания значительных фрагментов из библейских источников (прямо или косвенно) позволяет Алексею Михайловичу более точно нарисовать психологический портрет отца и в то же время придает посланию не только утешительный, но и учительный характер. Цитаты, взятые из торжественного слова Василия Великого, должны стать показательным примером должного поведения адресата в непростой для него ситуации. Отец, потерявший сына, сам также должен найти в себе силы, чтобы вновь обрести веру и исполнять свой долг перед царем: «что же, по сетовании, творим ти воспрянути от печали, что от сына, и возложить печаль на волю Божию. А нежели в печаль впадати или воскочити яко еленю на источники водныя, тако и тебе, отставя печаль и вборзе управитися умныма отчима на запаведи Божии и со всяким благодарением уповати яко же и Василий Великий, еже благо есть на Господа уповати, нежели на се помышляти» (РГАДА. Ф. 96. Оп. 2. 1661 г. Ед. хр. 2. Л. 95). Печаль и уныние как греховные страсти сбивают человека с истинного пути, отвергают его от Бога: «почто в такую великую печаль и во уныние (токмо веруй и уповай!) чрезмерные вдал себя?» (РГАДА. Ф. 96. Оп. 2. 1661 г. Ед. хр. 2. Л. 99а). Эта тема звучит в тех фрагментах, которые царь заимствует для своего послания из книжных источников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сюжетная линия «блудного сына» XVII в. в русской литературе переходного периода, как известно, найдет свое воплощение в беллетристических повестях, одной из которых является «Повесть о Фроле Скобееве». Можно предположить, что событие, случившееся в семье А. Л. Ордина-Нащокина в начале 60-х годов XVII в., имело большой резонанс. Со временем оно могло приобрести легендарный, устно-поэтический характер, подвергнуться трансформации, став завязкой сюжета русской анонимной повести конца XVII столетия. Известно, что события «Повести о Фроле Скобееве» происходят в Новгородском уезде в доме стольника Ордина-Нащокина, у которого дочь Аннушка, соблазненная дворянином Фролом Скобеевым, совершает побег из отчего дома. Дальнейшее развитие сюжета русской повести конца XVII в. несет в себе признаки притчевого нарратива, причем не только со стороны сюжетной линии главного героя, но и второстепенного персонажа — «блудной дочери» Ордина-Нащокина, в конце повести вместе с Фролом Скобеевым получившей

прощение отца и возвратившейся в его дом. Так реальный историко-биографический сюжет, связанный с семьей А. Л. Ордина-Нащокина, осмысленный в переходный период русской культуры в традиции евангельской притчи, приобретает уже литературный характер, предлагая разные варианты понимания притчевого архетипа в произведениях Нового времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАДА (Российский государственный архив древних актов, г. Москва). Ф. 96 (Сношения со Швецией). Оп. 1. 1660 г. Ед. хр. 2. Л. 91–105.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белоброва, О. А. (1993) Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб. : Дмитрий Буланин. 447 с. С. 427–429.

Габдуллина, В. И. (2013) Мотив возвращения блудного сына в романах И. С. Тургенева // Проблемы исторической поэтики. Вып. 11: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. науч. тр., вып. 8. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского гос. ун-та. 460 с. С. 135–149.

Гулянд, И. Я. (1902) Приказ великого государя Тайных Дел. Ярославль : Тип. Губернского правления. 390 с.

Демкова, Н. С. (1997) Евангельская притча о блудном сыне и ее русские интерпретации XVII века // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: поэтика, интерпретации, источники : сб. ст. СПб. : Изд-во С-Петербур. ун-та. 220 с. С. 135–147.

Есаулов, И. А. (2012) О сокровенном смысле «Станционного зрителя» А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. Вып. 10: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. науч. тр., вып. 7. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского гос. ун-та. 374 с. С. 25–30.

Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. (1861) СПб. : В тип. И. Огризко. Т. 2. 789 с.

Лихачев, Д. С. (1987) Человек в литературе Древней Руси // Лихачев, Д. С. Избранные работы : в 3 т. Л. : Художественная литература. Т. 3. 520 с. С. 3–164.

Письмо царя Алексея Михайловича А. Л. Ордину-Нащокину (1969) / подготовка текста и прим. А. М. Панченко // Изборник (Сборник произведений Древней Руси). М. : Художественная литература. Т. 15. 800 с. С. 573–575, 776.

Попов, А. (1869) Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Приложение к Обзору хронографов русской редакции. М. : Типография А. И. Мамонтова и К^о. 541 с.

Ромодановская, Е. К. (1994) Русская литература на пороге нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск : Наука. 232 с.

Сазонова, А. И. (2006) Литературная культура России. Раннее Новое время. М. : Языки славянских культур. 896 с.

Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание (2003) / отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск : Изд-во СО РАН. Вып. 1. 243 с.

Соловьев, С. М. (1961) История России с древнейших времен : в 15 кн. М. : Изд-во социально-эконом. лит. Кн. 6. Т. 11–12. 683 с.

Чернов, А. В. (1994) Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Проблемы исторической поэтики. Вып. 3: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. науч. тр., вып. 1. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского гос. ун-та. 387 с. С. 151–158.

Дата поступления: 20.02.2014 г.

THE MOTIVE OF THE PRODIGAL SON IN THE EPISTOLARY WORKS
BY TSAR ALEKSEI MIKHAILOVICH

A. V. SHUNKOV

(KEMEROVO STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS)

The article analyzes the epistolary heritage of Tsar Aleksei Mikhailovich in the context of general trends in Russian literature of the transitional period (the second half of the 17th century). The monarch's letters, when treated as a subject of a special study, reveal a distinct influence of the prodigal son parable.

The epistles of the Russian monarch have never been researched from such a perspective. The article lies within the general trend of contemporary Russian literary studies to focus on the motivic structure of text.

Our analysis reveals the continuity between the Tsar's epistles and the medieval book tradition, which does not denigrate the literary innovation of Tsar as a writer. In keeping with the epistolary tradition, the royal writer uses bookish techniques relevant to the literary etiquette of Old Russia. At the same time, Aleksei Mikhailovich as an author finds himself not bound by the literary canon and subjects the Gospel parable to interpretation.

By interpreting the parable, the monarch sketches the persons who appear in his epistles, creates their psychological portraits and manages to write down the historical events into the book tradition.

We pay special attention to the Tsar's epistle to A. L. Ordin-Nashchokin. Here the author's talent reveals the underpinning command of rhetorical techniques. At the same time, Aleksei Mikhailovich indulges in free interpretation of the famous parable, comparing it to events from the real life of his addressee. The epistle was written after Ordin-Nashchokin's son Voin had fled to Europe, which brought about an association with the parable. The parallels drawn by the royal author in his consolation message provide a literary character to the epistle.

All of these factors help us classify the epistles of Tsar Aleksei Mikhailovich as a phenomenon of Russian literature of the transitional period, representing the evolution of the motives and plots from the Gospel.

Keywords: 17th century Russian literature, Tsar Aleksei Mikhailovich, epistolary works, Gospel parable, parable of the prodigal son, plot, motive.

REFERENCES

Belobrova, O. A. (1993) *Ordin-Nashchokin Afanasii Lavrent'evich* [Ordin-Nashchokin Afanasi Lavrentievich]. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [The Dictionary of Bibliophiles and Book Culture of Old Russia]. Issue 3 (17th century), part 2. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ. 447 p. Pp. 427–429. (In Russ.).

Gabdullina, V. I. (2013) Motiv vozvrashcheniia bludnogo syna v romanakh I. S. Turgeneva [The Motive of Prodigal Son's Return in I. S. Turgenev's Novels]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of Historical Poetics]. Issue 11: *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiia, motiv, siuzhet, zhanr* [The Gospel Text in the Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motive, Plot, Genre]: A Collection of Scholarly Papers, issue 8. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ. 460 p. Pp. 135–149. (In Russ.).

Gurlyand, I. Ya (1902) *Prikaz Velikogo gosudaria tainykh del* [The Grand Sovereign's Privy Prikaz]. Yaroslavl, Provincial Board of Publishing Office. 390 p. (In Russ.).

Demkova, N. S. (1997) *Evangel'skaia pritcha o bludnom syne i ee russkie interpretatsii XVII veka* [The Parable of the Prodigal Son and Its Russian interpretations in the 17th Century]. In: Demkova, N. S. *Srednevekoviata russkaia literatura. Poetika, interpretatsii, istochniki* [Medieval Russian Literature. Poetics, Interpretations, Origins]: A Collection of Articles. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ. 220 p. Pp. 135–147. (In Russ.).

Esaulov, I. A. (2012) O sokrovennom smysle «Stantsionnogo smotritelia» A. S. Pushkina [On the Sacred Meaning of *The Stationmaster* by Alexander Pushkin]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of Historical Poetics]. Issue 10: *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov:*

tsitata, reministsentsiia, motiv, siuzhet, zhanr [The Gospel Text in the Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motive, Plot, Genre] : A Collection of Scholarly Papers, issue 7. Petrozavodsk, Petrazovodsk State University Publ. 374 p. Pp. 25–30. (In Russ.).

Zapiski otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obschchestva [Proceedings of Russian and Slavic Archaeology Department, Imperial Russian Archaeological Society]. (1861) St. Petersburg, I. Ogryzko's Printing Office. Vol. 2. 789 p. (In Russ.).

Likhachev, D. S. (1987) *Chelovek v literature Drevnei Rusi* [Man in the Literature of Old Russia]. In: Likhachev, D. S. *Izbrannye raboty* [Selected Works] : in 3 vols. Leningrad, Khudozhestvennaia Literatura Publ. Vol. 3. 520 p. P. 3–164. (In Russ.).

Pis'mo tsaria Alekseia Mikhailovicha A. L. Ordinu-Nashhokinu [The Letter of Tsar Aleksei Mikhailovich to A. L. Ordin-Nashchokin]. (1969) In: *Izbornik. Sbornik proizvedenii literatury Drevnei Rusi* [The Izbornik: A Collection of Texts from Old Russian Literature]. Moscow, Khudozhestvennaia Literatura Publ. Vol. 15. 800 p. Pp. 525–527, 776. (In Russ.).

Popov, A. (1869) *Izbornik slavianskikh i russkikh sochinenii i statei, vnesennykh v khronografy russkoi redaktsii. Prilozhenie k Obzoru khronografov russkoi redaktsii* [Miscellany of Slavic and Russian Essays and Articles Included in the Russian Edition Chronographs. Supplement to the Russian Edition Chronographs Survey]. Moscow, A. I. Mamontov and Co. Publ. 541 p. (In Russ.).

Romodanovskaia, E. K. (1994) *Russkaia literatura na poroge novogo vremeni. Puti formirovaniia russkoi belletristiki perekhodnogo perioda* [Russian Literature on the Threshold of Modernity: Shaping Russian Fiction in the Transitional Period]. Novosibirsk, Nauka Publ. 232 p. (In Russ.).

Sazonova, L. I. (2006) *Literaturnaia kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremia* [Russian Literary Culture. The Early Modernity]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ. 896 p. (In Russ.).

Slovar' -ukazatel' siuzhetov i motivov russkoi literatury: Eksperimental'noe izdanie [The Dictionary and Index of Plots and Motives in Russian Literature: An Experimental Edition] (2003) / ed. by E. K. Romodanovskaia. Novosibirsk, Publ. House of the Siberian Department of the Russian Academy of Sciences. Vol. 1. 243 p. (In Russ.).

Solovyov, S. M. (1961) *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia from the Earliest Times] : in 15 vols. Moscow, Social and Economic Literature Publ. Book VI. Vol. 11–12. 683 p. (In Russ.).

Chernov, A. V. (1994) Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века [The Archetype of the “Prodigal Son” in 19th Century Russian Literature]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of Historical Poetics]. Issue 3: *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiia, motiv, siuzhet, zhanr* [The Gospel Text in the Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motive, Plot, Genre] : A Collection of Scholarly Papers, issue 1. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ. Issue 3. 387 p. Pp. 151–158. (In Russ.).

Submission date: 20.02.2014.

Шунков Александр Викторович — кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной и инновационной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Адрес: 650029, Россия, г. Кемерово, ул. Ворошилова, д. 17. Тел.: +7 (3842) 73-30-64. Эл. адрес: alexandr_shunkov@mail.ru

Shunkov Alexander Viktorovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Vice Rector for Research and Innovation, Kemerovo State University of Culture and Arts. Postal address: 17 Voroshilov St., Kemerovo, Russian Federation, 650029. Tel.: +7 (3842) 73-30-64. E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru